

¹⁰ См.: Лурье С. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 62.

¹¹ См.: Пантин И. Проблема самоопределения России : историческое измерение // Вопр. философии. 1999. № 10. С. 3–10.

¹² См.: Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / под ред. А. Арутюнова. Ереван, 1983. 319 с.

¹³ См.: Шаповалов В. Как понять Россию. Этюды о «российской экзотичности» // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 100.

УДК 316,3: 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Н. С. Шаповалова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: natalia.shapovalova87@yandex.ru

Усложнение человеческого мира вызывает необходимость перехода от закрытого общества к открытому. В связи с этим социальная память приобретает определенные свойства, соответствующие нарастающей сложности мира, и выражается в трех аспектах: ресурсном, институциональном и личностном.

Ключевые слова: социальная память, открытое и закрытое общество, информация, идентичность, СМИ.

Social Memory of Open Society

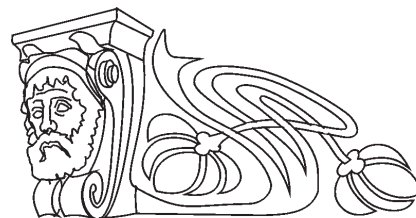
N. S. Shapovalova

The increasing complexity of the human world causes necessity to move from a closed to an open society. In this regard, social memory acquires certain properties that correspond to growing complexity of the world. It is expressed in three ways: resource, institutional and personal.

Key words: social memory, open and closed society, information, identity, mass media.

Усложнение мира вызывает необходимость перехода от закрытого общества к открытому, иначе люди не смогут сформировать и реализовать способности, соответствующие нарастающей сложности мира. Термины «закрытое» и «открытое общество» были заимствованы К. Поппером у А. Бергсона. Однако Поппер придал этим понятиям иное значение: в отличие от закрытого общества открытое основано на зрелом и высоком критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу как индивидов, так и социальных групп, направленные на непрерывное реформирование общества в целях разрешения возникающих перед ним проблем¹. Безусловно, понятия как закрытого, так и открытого общества являются идеальными типами, при помощи которых К. Поппер раскрывает не столько внутреннее строение общества, сколько два противоположных вектора развития человечества. В целом в современной трактовке открытого общества подчеркивается, что иначе его можно квалифицировать как информационное, сетевое, глобальное, постиндустриальное, посткнижное.

С переходом к открытому обществу социальная память приобретает определенные свойства,

соответствующие нарастающей сложности мира, и проявляется как информационная система, система активной деятельности субъектов культуры и институциональная система.

Социальную память как *информационную систему* можно сравнить с социальной памятью в традиционном обществе. Последняя представляла собой систему знаний, которые носили *закрытый характер*: накапливались, хранились, передавались в рамках одной касты, сословия от поколения к поколению. Как отмечает С. И. Трунев, «в культуре данного периода господствует уверенность в истинности имеющейся совокупности знаний (научной картины мира)»². В соответствии с этим содержание памяти не подвергалось критике и интерпретации, а ее структура являлась однородной, подчиненной определенной системе ценностей. Социальная память в традиционном обществе была полностью подчинена большой надличностной истории, что утверждало идею власти всеобщего над индивидуальным.

В современном обществе информация и знание выступают главной ценностью. Создаются условия, которые удовлетворяют потребность каждого человека в получении им необходимой информации, созданию и распространению которой способствуют новейшие технологии. Доступность информации предполагает возможность приобщения любого субъекта к воспоминаниям и представлениям о прошлом. Таким образом, информация в открытом обществе становится тем ресурсом, приобщение к которому открывает доступ к памяти общества, что и предполагает *ресурсный аспект* социальной памяти. Как отмечает С. И. Трунев, современная культура «характеризуется множественностью научных репрезентаций реальности, ни одна из которых не признается абсолютно истинной и, в связи с этим, находится по отношению к другим в состоянии конкуренции»³. Таким образом, основной чертой современного общества является *ценностный плюрализм*, благодаря которому допускается сосуществование многочисленных, иногда противоречивых, ценностных систем, ни одна из которых

не получает приоритета как «единственно верная» и не насаждается за счет какого-либо ресурса. Для открытого общества характерно то, что «большая» история распадается на «караван историй», совокупность индивидуальных следов.

Рассмотрим социальную память как *систему активной деятельности субъектов культуры*. Как отмечает А. С. Ахиезер, «открытое общество возможно в гражданском обществе, где культура и вся система отношений ориентированы на стимулирование развития личности как субъекта творческих инноваций»⁴. Социальные трансформации в современном мире меняют позицию личности в системе социальных взаимосвязей на активную и созидательную.

Информация, в буквальном смысле обрушивающаяся на современного человека, превращая его в «ретранслятор сообщений», носит хаотичный, несистематизированный и избыточный характер. Поток информации в виде коротких модульных всплесков – новостей, фрагментов передач и фильмов, рассекаемых рекламой, – не поддается классификации «отчасти потому, что они не укладываются в старые категории, отчасти потому, что имеют странную, текучую, бессвязную форму»⁵. Потребители информации, не имея возможности заимствовать готовую модель реальности, вынуждены сами ее *конструировать*. Таким образом, повышение роли и значения человека в развитии информационного общества и определяет его в качестве активного субъекта истории и памяти, что и предполагает личностный аспект социальной памяти в открытом обществе.

Технический прогресс, нарастание сложности и глобализация социальных связей в современном мире ведут к усилению рефлексивного характера человеческой деятельности, в результате чего выбор идентичности индивида в современной культуре основывается не на запрограммированных стереотипах, принятых в традиционных и ранних индустриальных обществах, а на потребностях социального субъекта. В условиях открытого общества, продуцирующих возможность существования многочисленных версий прошлого, он вправе выстраивать социальную и историческую идентичность на основе собственного выбора. Идентичность уже не имеет характера переданной «по наследству», что было в традиционном обществе, а становится результатом осмысления субъектом своих жизненных ценностей и установок и осознания принадлежности к определенной структуре.

Мир становится более многообразным, существуют разнокачественные социокультурные субъекты (социальные группы, движения, локальные общности, активные индивиды), в результате чего возникает потребность общества во взаимодействии и интеграции различных версий прошлого. Само общество становится мозаикой культур и субкультур, каждая из которых имеет

свою память, свою версию прошлого, что предполагает множественность линий преемственности. Субъект, имея доступ к любой информации и, следовательно, к различным представлениям и репрезентациям прошлого, может присоединиться к любой его версии. Кроме того, множество новых культурных символов, легко преодолевающих национальные границы с помощью средств массовой коммуникации, позволяет ему ощущать связь не только с ближним окружением, но и со всем человечеством, что делает возможным выстраивание идентичности за рамками национальных границ. Следствием этого является то, что память экстерриторизируется. Социальные отношения, оторванные от породивших их контекстов, в результате распространения глобальных культурных образов реконструируются в других локальных пространствах (локусах).

Безусловно, *рефлексия* как основная составляющая в поиске субъектом своей идентичности и его *свобода выбора* при этом являются положительными моментами «открытости» общества. Однако, на наш взгляд, существует и ряд спорных моментов. Как отмечают З. Бауман и Э. Гидденс, «для современного общества характерна не замена одних традиций и привычек другими, столь же стабильными, надежными и рациональными, а состояние постоянного сомнения, множественности источников знания, что делает самость более изменчивой и требующей постоянной рефлексии»⁶. Многообразие жизненных стратегий и стилей в условиях нестабильности и динамизма и свобода выбора субъекта приводят к распространению неустойчивых и внутренне противоречивых идентичностей.

Множественность линий преемственности, подвижность и изменчивость элементов общественного наследия, свобода выбора и оценки элементов наследия – характерные черты современного общества, в котором субъект может входить в разные социальные группы и быть связанным с разным групповым прошлым и разными традициями. Как полагал М. Хальбвакс, механизм сохранения прошлого в памяти состоит в том, что индивидуальный субъект постоянно реконструирует его заново исходя из опыта социальной группы, к которой он принадлежит⁷. Таким образом, *основным принципом наследования прошлого в открытом обществе является его опосредованность сознанием индивидуального субъекта и деятельностью социальных групп как субъектов культурного действия*.

Проанализируем социальную память как *институциональную систему*. В традиционном обществе институциональная система памяти осуществлялась с помощью традиций, которые сохранялись посредством табуирования иных путей развития и неосознанной трансляции. «Осознанно, неосознанно или по принуждению субъект вынужден подчинять собственную индивидуальность этическим и эстетическим

нормам, а собственное мировоззрение – господствующей идеологии, эффективно встроенной в систему “абсолютно истинного” научного знания»⁸. Постепенно с переходом к открытому обществу традиции более не воспринимаются как естественный порядок вещей, теряют свою безусловность и вступают в диалог с другими ценностными системами, а «релятивизация этических ценностей приводит к безусловному доминированию ценности жизни, то есть индивидуального существования...»⁹. В современном обществе институциональная система памяти продолжает осуществляться, но посредством иных институциональных механизмов – более «тонких» и латентных, непосредственно влияющих на сознание и картину мира субъекта.

В открытом обществе социальная память опосредуется социальными группами и иными институциональными структурами: по своей собственной воле присоединяясь к какой-либо группе или сообществу, субъект автоматически становится носителем определенной версии прошлого, которая в дальнейшем детерминирует его сознание и поведение. Принимая установку, общую для всех членов группы, он обращает внимание на воспоминания, расположенные на первом плане в ее мыслях и, основываясь на которых, члены группы, используя особенную логику, припоминают и реконструируют свои воспоминания.

Как отмечает О. Тоффлер, в современном мире основным ресурсом, необходимым для управления обществом, становятся знания и информация. Особенность информационных ресурсов заключается в том, что они воздействуют непосредственно на сознание человека, внедряясь в него в качестве органического элемента, способного дополнить, а иногда и подменить функции ощущений, восприятия, представления, воображения, абстрактно-логического мышления. Дозируя и определенным способом подавая информацию, власть формирует общественное сознание, закладывая в него определенные образы, стереотипы, стандарты и мягко подталкивая людей к определенной форме поведения и восприятия действительности. Владение информацией даёт возможность влияния на содержание социальной памяти, что предполагает латентное воздействие на образы прошлого, воспоминания, интерпретацию исторических событий, из чего следует возможность манипулирования массовым сознанием. Представление о прошлом можно изменять, воздействуя на памятный ландшафт (или «места памяти») как пространство совместного воспоминания социальной группы.

Воздействие на знание о прошлом, «политика памяти» осуществляется в интересах властвующей элиты с помощью исследовательской деятельности научного экспертного сообщества и дальнейшей передачи необходимой информации через СМИ как основной источник знаний в со-

временном мире. Экспертами рефлексированы и артикулированы потребности общества, в соответствии с которыми и осуществляется переработка и интерпретация событий. По замечанию П. Рикёра, воздействие на память общества происходит через навязанную память и дозволенную историю и, что самое опасное, в настоящее время дополняется навязываемой социальной амнезией¹⁰.

Элита должна «изучать», исследовать память своего общества, должна быть ею связана и ограничена, так как это дает необходимое знание своего народа, нации и вынуждает действовать исходя из социально допустимого и возможного¹¹. Это знание необходимо, так как те, на кого направлена политика памяти в современном обществе, – не просто ее пассивные потребители, для них характерна активная переработка и рефлексия полученной информации. В дальнейшем обработанная информация «запускается» через СМИ и осуществляется непосредственное воздействие на сознание субъекта и его картину мира. Н. Больц отмечает, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, поэтому бессмысленно отличать отображение от отображенного явления. СМИ не просто отражают действительность, но и интерпретируют и конструируют ее согласно своим интересам или интересам определенной группы, контролирующей её, – «медиакратов». По замечанию Н. Лумана, в современном обществе, в отличие от традиционного, средства массовой информации способны задавать (генерировать) социальную память и смысл происходящих событий¹². СМИ формируют информацию не только о современных событиях, но и о прошлом времени, поэтому влияют на память социальной системы; создают как общую картину мира, так и картину мира отдельной общности; передают от поколения к поколению ценности культуры данного общества. Также влияние на сознание и поведение людей осуществляется посредством *изменения самого человека, а именно его ценностей, интересов, потребностей и менталитета*. СМИ и иные институциональные структуры, влияющие на процесс социализации, создают те ценностные ориентации и полюсы, которые структурируют поведение субъектов в необходимых для властной элиты направлениях.

Таким образом, социальная память в открытом обществе перестает носить характер «переданной по наследству»; она опосредуется *сознанием индивидуальных субъектов, деятельностью социальных групп как субъектов культурного действия и «творцов» образов прошлого, использующих властные ресурсы социальной памяти в своих интересах*. В открытом обществе изменяются *ресурсный* (социальная память как информационная система) и *институциональный* (как институциональная система) аспекты. Кроме того, память приобретает новый, *личностный* аспект (социальная память как активная деятельность субъектов).

Примечания

- ¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. 528 с.
- ² *Трунев С. И.* Воля к жизни и культура : модели взаимодействия. Саратов, 2009. С. 33.
- ³ Там же. С. 35.
- ⁴ *Ахиезер А. С.* Россия между открытым и закрытым обществом. Специфика современного философствования (Взгляд из России) // *Вопр. философии.* 1995. № 2. С. 6.
- ⁵ *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 54.
- ⁶ *Гидденс Э.* Трансформация интимности : сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 64–65.
- ⁷ См.: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
- ⁸ *Трунев С. И.* Указ. соч. С. 34.
- ⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁰ См.: *Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
- ¹¹ См.: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
- ¹² См.: *Luhmann N.* Die Realitat der Massenmedien. Opladen, 1996. 223 s.